

Елена Шастина

Новые варианты старых сюжетов

У А. К. Толстого есть притча. Семеро братьев искали на земле Правду. И все её нашли. Но так как подъехали они к Правде с семи разных сторон, то и увидели её по-разному: кто – тёмным лесом, кто – широкой степью, кто – высотой горой, а кто – душой красной девицей. И каждый готов был за свою Правду драться с остальными шестью¹.

В 1902 г. писатель А. Амфитеатров впервые увидел Сибирь и удачно сравнил её с Правдой из толстовской притчи. «Край этот, – с удивлением замечал он, – сам по себе столь невероятен и в хорошую, и в дурную сторону, что ни превзойти его выше достоинства, ни оклеветать не хватит фантазии даже у барона Мюнхгаузена»².

Впечатление, произведённое на ссыльного писателя Сибирью, вспомнилось мне, когда я путешествовала по сибирской реке Лене и записывала песни, сказки, старинные легенды и побывальщины.

Конечно, со времён Амфитеатрова минуло много лет. Да и бассейн Лены – не вся Сибирь, хотя на территории одной Иркутской области свободно могли бы разместиться Англия, Италия, Греция и Австрия, вместе взятые. Но дело не в масштабности.

Слушала ленских старожилов и вспоминала сказку А. К. Толстого потому, что ленские земли вдруг показались мне тем фокусом, который вобрал в себя всю противоречивость сибирских народных судеб, а услышанное сложилось в яркие картины разного и сложного представления о жизни и Правде русского крестьянства Сибири.

Более трёхсот лет прошло с тех пор, как в суровые приленские земли пришли «охочие хлебопашцы» да «вольные гулящие люди». На берегах Лены и в устьях её притоков ставили они первые остроги и селенья, производили опытные посевы, били зверя. И до сих пор русские старожильческие села на Лене хранят имена своих давних основателей: Ивашки Дмитриева Синюшкина (Синюшкино, 1663 г.), Гришки Савина Омолойко (Омолоевское, 1689 г.), Пашко Тарасова (Тарасово, 1699 г.), Ивашки Пуляева (Пуляево, 1652 г.) и многих других.

Но не только широким привольем свободных земель манила Лена «расейских» засельников. В первой половине прошлого столетия было открыто золото. Дельцы, авантюристы, любители лёгкой наживы широкой волной хлынули в низовье реки, растекались по вольным ленским притокам, обживая нетронутую и нехоженую ближнюю и дальнюю тайгу.

И, наконец, царское правительство «остроумно» догадалось этот полный несметными богатствами, но отрезанный от мира край сделать местом ссылки и каторги. «Страна метелей и снегов», страна «кандалного звона» – именно так воспринималась Сибирь многими вольными и невольными путешественниками тех далёких лет.

Из ссылки бежали, с золотых приисков тоже. А единственный ориентир и дорога – Лена. Летом по ней сплавливались на плотках и лодках, зимой «гоняли ямшину». По ней же пробирались беглые: и политические, и уголовники, и просто тот, кому посчастливилось найти самородок, и теперь он тайно нёс его для лучшей жизни.

Вот тогда-то и распространилась в некоторых приленских деревнях так называемая «охота на горбачей». («Горбач» – человек с мешком за плечами, прохожий.) Собственно, она возникла не сама по себе. Это было одно из дьявольских порождений сибирских властей. Не в силах справиться со всей массой беглых, местное начальство назначало определённую сумму вознаграждения за каждого пойманного или убитого бродягу. Поэтому кое-кто из крестьян охоту на людей превратил в своеобразный вид отхожего промысла, сделав её одним из средств существования.

Этот страшный обычай в своё время настолько поразил воображение некоторых ссыльных писателей, что затмил всё доброе, что было в сибирском крестьянстве, и вызвал ряд несправедливых и крайне преувеличенных обобщений. Даже И. Г. Прыжов, несправедливо обобщая некоторые свои наблюдения, в «Записках о Сибири» писал, что к такой страшной

охоте «сибиряк привыкает с детства. Крестьянский мальчик вместо того, чтоб по-своему наслаждаться жизнью, смотрит уже разбойником и, между прочим, просит отца убить бродягу из винтовки, чтоб посмотреть, как горбун будет на горбе вертеться»³.

В конце прошлого века среди некоторых писателей-сибиряков, а также и ссыльных появился особый термин – «сибирский характер», предполагавший дикость и грубость, появившиеся якобы от продолжительного сидения в лесах, страсть к наживе, а также нечувствительность к песне, сказке, музыке.

Подобные взгляды не раз высказывались известным историком и публицистом А. П. Шаповым, писателем и исследователем Сибири Н. М. Ядринцевым, беллетристами-народниками И. П. Белоконским, Н. М. Астыревым и др. Они не отражали, разумеется, действительного положения вещей, хотя в характере сибирского крестьянина были, конечно, и своеобразные черты, вызванные специфическими условиями сибирского быта, а также историко-экономическими особенностями развития края.

Вполне понятно, что представления о добре и зле, правде и справедливости были разными и противоречивыми у приленского крестьянства дореволюционных лет. Борьба с суровой природой закаляла характеры людей, делала их отважными и выносливыми. Сибирское хлебосольство не раз отмечалось путешественниками и ссыльными. Но изоляция от внешнего мира, почти поголовная безграмотность, отсутствие элементарной медицинской помощи, «уроки» колониально-националистической политики царизма и не менее выразительные жесты местных властей неизбежно рождали невежество, будили суеверие и жестокость, которые проявлялись подчас необычно и дико.

А потом события революционных лет, гражданская война, пора коллективизации, особенно трудная для сибирского в массе своей зажиточного крестьянства.

Словом, разные эпохи, разные и сложные человеческие судьбы сошлись здесь и завязались единым узлом. И все это не могло не отразиться на фольклоре Приленья

И теперь ещё свежо в памяти людей многое из пережитого: нет-нет и выплеснется оно легендой или рассказом о коммунистах, закованных в раскалённые добела кандалы и уведённых в последнюю путь-дороженьку, что пролегла там, в верхнеленском логу, под **Марьяном**. То всплывает легендой о красавице Черепанихе – жестокой атаманше. Не на одних медведей ходила Анка Черепанова: гонит коня, винтовка в руке, но скаку людей без промаха убивает. По её приказу зверски расправились белобандиты с командиром чоновского отряда: вырвали у живого внутренности, труп бросили в озеро, а сердце на осине повесили.

И не из того ли далёкого прошлого входят вдруг в некоторые волшебные сказки персонажи и мотивы, ничего общего не имеющие с традицией, а как бы завернувшие в рассказ с большого и тревожного приленского тракта.

Не только события революционных и предшествующих им лет отразились в народном творчестве Приленья. Ещё сегодня здесь можно услышать и наблюдать явления, принадлежащие и совсем седой старине.

Подммалаша да мать погодка.

Э-ой-я!

Погребайте да вешлам!

Э-ой-я!

Погребайте, да браччы, шештры!

Э-ой-я!

Только шлышу, да только вижу.

Э-ой-я!

Мои браччы, только погребайте, да только погребайте.

Э-ой-я!

Верховая та волна-волновая.

Э-ой-я!

Школьно я шлышу, школьно вижу.

Э-ой-я!

Никого-то мне в волнах не видно.

Э-ой-я!

Никого-то не слышать.

Э-ой-я!

Только вижу, только слышу.

Э-ой-я!

Гребите, браччы, погребайте.

Эй, з-ой-я!

Эту песню пела бабка Лазариха в с. Каймоново. Пела она её бесконечно долго, по-ленски шепелявя, а потом остановилась, потому что устала.

А дальше?

– А вот дальше она **вше** так и пойдёт, и пойдёт, и пойдёт. Эта ранешна пешня. Раньше плавам и поём. Её ишо мои баушки пели, а мне девяношто лет.

Становится ясно, что песня бабки Лазарихи – даже не песня, а одна из тех древних песенных импровизаций, которыми наши предки сопровождали свой труд. Да и сама Лазариха с каким-то особенным взглядом на мир напоминает те давние времена, когда люди верили в родство человека и зверя, в способность животного понимать человеческий язык. «**Шлышу** одна шум у ижбы, – рассказывает она своим шепелявым баском. – Открыла дверь – медведь! Я ему: «Ты почо плоды пришоу? Уговорила – ушоу».

Чем отличается эта наивная вера старой женщины в возможность словесного воздействия на зверя от первобытной философии Дерсу Узала? Помните, как объясняет старый гольд писателю Арсеньеву поведение диких кабанов: «**Его** всё одно люди, только рубашка другой. Обмани, понимай, сердись, понимай, кругом понимай! Всё равно люди»⁴.

До сих пор сохранились на Лене многие старинные песни и обряды. В ряде сел, особенно по реке Куленге, всё ещё «гаркают коляду». В первых числах января каждого нового года большими группами колядующие собираются под окошками односельчан. С собой сумки, бидоны, грелки.

– Хозяин, можно, нет коляду гаркать?

И получив утвердительный ответ, запевают, а потом в форме шутиливой угрозы «требуют» вознаграждения:

– А не дашь пирога, мы корову за рога, поросёнка за хвост, а телёнка за нос...

«Гля **фарту** её надо гаркать, коляду-то, – поучительно говорит А. Е. Буторина из с. Толмачево. – Вот в клубе-то не пропели, там фарту не было. Клуб сгорел!»

Прекрасно знают и поют на Лене «свадьбишны» песни, «тюрёмны», казачьи, рекрутские, солдатские, из приискательской жизни, сатирические, партизанские и больше всего любовные. Поют по-разному, часто по-старинному, растягивая гласные, повторяя одни и те же слова, слоги или фразы, что создаёт определённую эстетическую структуру так называемой «досельной» или «досюльной» песни.

Ой, да мне бы во-о-оска, воску, воску я-а-ара,

Ой, да я бы кры-ы-ылышкн себе слила-а...

Ой, я б спархну-у-ула, я бы улете-е-ела

Да в чужу, в чужу, да-а-альну, дальну сторону-о-о-оро-ну-у...

К пению, как правило, относятся серьёзно. «Не ревут», как раньше было принято говорить в Сибири, а именно поют, старательно и мелодично выводя голоса. Помню, когда в с. Байдоно (Жигаловский район) какую-то песню начали петь на один голос, бойкая Варвара Михайловна прервала певших: «Но, паря, всё басом – эдак чо? Так телята ревут с подсосом!»

Благодатным оказался этот край и для сохранения такого, уже исчезающего в наше время, фольклорного жанра, как сказка. Главным жанрообразующим признаком её учёные считают вымысел. На лёгких крыльях фантазии сказка уносит слушателей «за тридевять земель», в чудесные миры «тридевятых государств», населённые мудрыми и прекрасными девами,

благородными принцами, злыми колдунами и великанами, многоголовыми змеями. Из апельсинов там выходят девушки, сёстры Ивана-царевича вступают в брак с Соколом, Орлом и Вороном, лягушка превращается в царевну, за одну ночь воздвигаются прекрасные дворцы, от взмаха платочка растекается безбрежное море.

Конечно, в сказках представлены не только фантастические герои. В них живут и поп, и крестьянин, и барин, и другие самые обыкновенные люди. Но и тогда, когда герои или предметы сказочных историй обычны, проявляют себя они, как правило, необычно. И в этом «существенная сторона сказки, вернее, творческого метода сказки, существенная особенность её фантастики, а именно то, что в ней не только изображаются фантастические лица и предметы, но что и реальные явления представлены сказкой в фантастическом аспекте»⁵.

Чем объяснить довольно широкое бытование этого жанра в Приленье? Как ни парадоксально, но причина этого кроется, по-видимому, в основном бедствии края – отсутствии хорошего сообщения. В отличие от других районов страны, села, расположенные по верхней и средней Лене, долгое время из-за трудности сообщения были почти отрезаны от крупных промышленных центров. И до сих пор железнодорожной магистрали туда нет. Плохи связи между населёнными пунктами и внутри районов. Например, несмотря на все наши ухищрения, летом 1969 г. фольклорная экспедиция в Килору (Жигаловский р-н) так и не смогла попасть. Местными жителями название этого села без смеха вообще не воспринимается.

– Килора. Ха! Вторая Москва!

– Почему вторая Москва?

– А потому, что добраться туда нам так же трудно, как и в Москву⁶.

Вероятно, поэтому фольклорные процессы на Лене затормозились. И то, что для центральной России было вчерашним днём, происходит там сегодня.

Конечно, сказка встречается на Лене далеко не в каждом селе. Есть и совсем «несказочные» места. Притом эти «несказочные» деревни, как правило, оказываются чрезвычайно бедными и другими народно-поэтическими жанрами.

В Усть-Илге, например, состоялся такой диалог с целой толпой ребятишек, высыпавших на берег при нашем появлении:

– Ребята, кто здесь у вас сказки рассказывает?

– Не знам.

– Но вы-то когда-нибудь слышали сказки?

– Не.

Песен в Усть-Илге также не поют или почти не поют. Совсем не знают сказок в Тимошино, Лукиново, Байдоново и других деревнях по реке Илге.

Зато села, расположенные по р. Лене и особенно её верхнему притоку – Куленге, оказались необычайно богаты сказкой, как, впрочем, и другими фольклорными жанрами.

Именно здесь ещё в 1915 году известный учёный фольклорист и литературовед М. К. Азадовский обнаружил «мощные залежи сказочного богатства»⁷. Здесь же встретил он и замечательную сказочницу Н. О. Винокурову. Из бедной крестьянской семьи, детские и юные годы прослужившая горничной, мать большого семейства, Наталья Осиповна хорошо понимала всякое горе. Поэтому её сказки, удивительно сочетающие чудесный вымысел с мельчайшими деталями сибирского быта, очень психологичны, проникнуты неизменной симпатией к страдающим и обездоленным.

Верхнеленская сказочная традиция оказалась необыкновенно живучей. И сейчас, более полувека спустя, сказки знает и рассказывает почти вся большая винокуровская родня, расселившаяся в прикуленгнских селах. Лучшей сказительницей тех мест является, несомненно, дочь Н. О. Винокуровой Раиса Егоровна Шеметова, а её родная сестра Зиновья, по рассказам односельчан, сказки рассказывает, «как мать», живёт теперь в **Якутском**. Замечательным мастером сказки был и сын Винокуровой – Кузьма Егорович Винокуров. Он умер шесть лет назад, но молва об его сказительском умении жива и по сей день. К. Е.

Винокуров много лет провёл в армии. Сказки он рассказывал от первого лица. Поэтому его племянник Иннокентий Григорьевич Житов, тридцатидетный колхозный бригадир, «дядю Кузьму», от которого перенял сказки, делает главным действующим лицом своих сказочных историй: «Как Кузьма шёл с плена», «Дядя Кузьма и барская свинья» и т. д.

В с. Челпаново были записаны три сказки Алексея Ивановича Пермякова. Раньше Пермяков много сказок знал, а теперь забыл. Перенял он их от матери – ныне покойной Мавры Даниловны Пермяковой. Эта сказочница пользовалась в своё время популярностью не меньше, чем Н. О. Винокурова. Воспоминания о ней я слышала почти в каждом селе по Куленге: «У бабушки-то Мавры вечера вечерали. Народ к ней наберётся – полна изба. И она имьям всю ночь сказки мажет. Спросит только:

– Вы чо, робята, спите?

– Не-ет, нет, бабушка.

И так до утра.

В с. Толмачеве живёт и рассказывает сказки Агафья Кузьминична Шеметова – «сестренница» по мужу Р. Е. Шеметовой. В прикуленгских селах говорят и о замечательном «посказителе» Большедворском (с. **Большедворское**), родном брате Н. О. Винокуровой, которого уже нет в живых.

А в райцентре «Верхнеленского края», Качуге, живёт и рассказывает прекрасные сказки Алексей Алексеевич Дерягин. Родом он из села Анги и, несомненно, продолжает ту замечательную традицию, которую в своё время отмечал М. К. Азадовский.

В Усть-Кутском районе знают сказки Фелия Георгиевна Смирнова, Мария Тихоновна Кошкарева, Феодосья Филипповна Авдеева, Апрасинья Васильевна Каймонова, Василий Семенович Кокауров.

В Жигаловском районе мы записывали сказки от Ольги Филипповны Четвериковой, Устины Тимофеевны Хмельницкой, Марии Марковны Болдаковой, Дмитрия Андриановича Коношанова, Татьяны Петровны Дуловой, Филиппа Егоровича Томшина.

Разумеется, сказки, записанные от всех этих сказочников, в эстетическом отношении неравнозначны. Среди них есть бледные и невыразительные, есть яркие и образные. По-разному относится каждый рассказчик и к повествуемому, одно отвергает, другое принимает, над чем-то иронизирует. Одним словом, в каждой сказке (талантливом, конечно, народного художника) отражена личность сказочника с его взглядами на жизнь, с его понятиями о добре и зле.

Но, несмотря на индивидуальную окраску, которую придаёт народный мастер своему рассказу, есть нечто общее, что в той или иной мере присуще вообще современной народной сказке, в том числе и ленской.

Это общее состоит в стремлении сказочника объяснить житейски необыкновенные, фантастические события чудесного мира волшебной сказки, приблизить мотивы поступков её героев к современным понятиям.

Молодому государю, вернувшемуся из дальних стран и радующемуся встрече с женой и детьми, «нашоптоват» его мать – «старая ведьма»:

– Что ты, сынок, гордишься? Думаешь – это твои кровные дети? Я сама видела, как один принец подымался к ней на двенадцатый этаж блоком.

Он думает: что такое, в такой любви жили и почему она меня изменила? Какие я имел недостатки?

А старая ведьма подымат матрац.

– Вот, сынок, что она гля твоей стречи припасла.

Смотрит – стоят флакончики. Позвали профессора. Тот признал ядовитую отраву.

Пишет царь заявление в Верховный Совет, в суд. Суд пишет: «Дать ей смёртну казнь вместе с детям за измену Иван-царевичу». Но со стороны защиты защищают: «Тут, может, была ложь, тут, может, была клевета. Не дать ей смёртну казнь, дать ей особо наказание: посадить в глуху повозку с детям и завезти в непроходимую тайгу...»

И дальше, после всех традиционных, по сказочному чудесных перипетий, правда торжествует лишь в результате вновь назначенного «пересуда», на который всем вручаются судебные повестки, и «смёртный» приговор выносится уже старой ведьме за измену Иван-царевичу. «Привязали её к хвосту дикой кобылицы и до основания по полю размыкали, – так кончает эту сказку Дерягин и, поразмыслив с минуту, вдруг добавляет: –Так и Берия за измену расстреляли, и всё тут».

А нравственному облику царя из другой сказки Дерягин сообщает черты новой морали, и это придаёт персонажу комичность:

«На второй или третий день Иван и говорит: «Знаете, Даша, меня заинтересовало на лошаде прокатиться». Она побежала к отцу: «Знаете, папа, мой-то дурачок хочет на лошаде прокатиться. Не разрешайте ему». Царь отвечает: «Нельзя же человека так обрывать. Нужно переспитать его, убедить, рассказать ему». А когда влез Иван-дурачок золотому коню в одно ухо, в другое вылез и сделался таким красавцем, что «нигде не опубликован», увидела его Даша и думает: «Уж не мой ли это Ваня так переспитался!» ...прыгнула к ему, повесилась на шею: (но-о!) «Милай мой, кислай, заварной! Ты мой, и я твоя!»

Не из чудесного мира волшебной фантастики, а прямо с деревенской посиделки, кажется, вошла эта «принцесса» в дерягинскую сказку.

Современный сказочник по-новому подходит и к старым образам народной фантастики, тоже переосмысливая их в бытовом плане. Оставляя за ними традиционные названия, рассказчик в то же время как бы снимает с них чудесную оболочку. Так, в сказке Шеметовой «Ковёр-самолёт» встречается чрезвычайно интересная деталь: мальчик-богатырь идёт по острову, «...смотрит – девочка спит. Он разбудил её и спрашивает: «Ты чья така? Откуда?» – «Я – спящая царевна, – отвечает она».

Таким образом, исчезает очень важный для волшебной сказки момент колдовства, который по чисто словесной ассоциации из чудесного переходит в бытовую, житейский.

В этом смысле показательна известная сказка «Квакушка» в рассказе Шеметовой.

Дело в том, что там вообще нет лягушки как человека, принявшего по воле злых сил нечеловеческий облик, а есть «бабушка», старуха (правда тоже заколдованная), которую окружающие зовут «Квакушкой» за её безобразную внешность, имеющую сходство с лягушкой.

Вот как сказочница описывает первую встречу с ней Ивана-царевича и её портрет: живёт она «в чашше, в избушке худенькой». «Заходит Ванюша в ету избу – сидит на печке старуха, така стара-перестара, страшно на неё смотреть. Моршына вот в етим месте (показывает на брови) покрывает глаза, губа нижня у ей покрыла всё рыло. И держит ету стрелу Ивана-царевича».

После долгих споров с «бабушкой» и уговоров так не шутить Иван-царевич всё-таки приводит её домой: «Вот, папаша: выборная моя невеста. – Ну, ничо, Ванюша, хоть губа толста, да целовать мягче тебе будет...» А снохи за уродливое сходство с лягушкой прозвали её «Квакушкой».

Такой же трансформации подвергаются и другие образы народной фантастики. В записанных сказках част образ змея. Но это уже не всегда чудовище, дышащее огнём. Часто это обычный внешне человек, «мушшына под потолок», хотя и обладающий волшебной силой.

В некоторых ленских сказках традиционный образ бабы-Яги даётся либо в непристойных тонах, либо заменяется старцем, который живёт в тайге, «в лесной халупе». Образ такого лесного старца встречается в нескольких волшебных сказках Дерягина, и каждый раз сказочник подчёркивает в нём интересную деталь: «человек грамотный». Именно эта образованность даёт ему силу предвидения. Он сразу видит, что Иван-царевич «человек не простой». («Анастасия – Золотая коса»). Такой же «грамотный старец» приютил и оклеветанную жену и, разгадав в её сыне царевича, стал учить его грамоте («Про двух царевичей и стару ведьму»).

Новый подход к изображаемому в сказке проявляется не только в бытовом переосмыслении образа в целом, но и в стремлении истолковать житейски каждую деталь сказочного повествования. В современной сказке ко всем поступкам героев как бы задаются вопросы: почему? для чего? зачем?

Впрочем, не лучше ли посмотреть, как это делается. Но вначале небольшое замечание: сказка, как известно, – творчество народное. Её создаёт не одно лицо, не только сказочник, но и слушатель, аудитория, которая незаметно, но неизбежно включается в невидимый и сложный процесс сотворчества. Поэтому все то новое, что проявится в сказке, рождается непосредственно в момент её создания, так называемого сказывания-восприятия.

Итак, заглянем на минуту в «творческую лабораторию» современной народной сказки.

Рассказывает Раиса Егоровна Шеметова. Кстати, Раиса Егоровна – одна из тех уже редких в наше время сказочниц, которые имеют довольно постоянную аудиторию. Тут и дети из своего села и из соседнего (Житово), которые в основном живут у неё и только в гости ходят домой. Тут и взрослые. Соседи приходят почти каждый день, чаще вечерами и с какой-нибудь работой: выдывают беличьи шкурки, шьют шапки, сучат **постегонки**, ткут. И дети, и взрослые – не просто слушатели сказок Раисы Егоровны, но непосредственные участники происходящих в них событий. Их именами называет Шеметова сказочных героев, к ним постоянно обращается по ходу повествования:

– Маши, Дуня, рукавом – у тебя широкий, – внезапно прерывая сказку о царевне-лягушке, говорит она сидящей на лавке соседке. – Может, и у тебя лебеди поплывут.

– Да я уже четвёртый год машу, ничего не получается, – весело подхватывает Дуня.

– И не получится, – Раиса Егоровна снова переводит повествование в прежний серьёзный план. – У неё-то, у Квакушки, шире был, да и махала-то она по-особому.

Шеметова подробно рассказывает о белом и пышном хлебе, о красивой и ладной рубахе, появившихся не по волшебству, а благодаря труду и умению Квакушки, невестки которой делают всё некрасиво и плохо. И, быть может, опять они напоминают сказочнице некоторых её знакомых. Недаром, сообщая о модных журналах да поваренной книге, к которым напрасно прибегают в своём неумении жены старших братьев, Раиса Егоровна косит на Авдотью хитрый глаз. И та понимает иронию сказочницы:

– Это ведь она, девка, нас подкусывает, – шепчет Дуня сидящей с ней рядом тётке Мане.

Но Раиса Егоровна слышит. И теперь уже и впрямь делает их персонажами сказки.

– Вон они, – показывает она другим слушателям, – это снохи Дуня и Маня сидят и шопчутся: што, мол, эта Квакушка делать будет, то и мы будем. Стали закусывать. А Квакушка, чо не доест, то за рукав, чо не допьёт, – за рукав. А снохи так же хотят. Да у них плохо получается: вишь, платья-то у них по моде – узки. И рукава – узки.

Дуня и Маня оглядывают себя, смеются.

Слушатели Раисы Егоровны внимательно следят за каждым поворотом сюжета, одно принимая, отвергая другое, что-то пытаюсь дополнить или прокомментировать.

– Конь-то уж лапой бьёт в окно, – возмущается Шеметова пьянством отца, забывшем о наставлениях своего сына – заколдованного коня Митьки.

– А он бы взял да снова Митькой сделался, – резонно замечает десятилетний слушатель.

«Построила Машенька от дворца и до саду **стерлиновый** мост...» – рассказывает Раиса Егоровна другую волшебную сказку.

– А белая рыба под ним ходит? – не дают умереть художественной детали внимательные слушатели, не раз слышавшие эту историю.

– Есть и белая рыба, а как же? – спохватывается сказочница. – Мазута-то в реке не было.

Так волшебная сказка подвергается «давлению современности», выражающемуся не только в попытке переосмыслить житейски чудесные события, но мотивировать их логически. Такая «установка на логичность» сказочного повествования может показаться абсурдной с точки зрения здравого смысла. Но она выражает противоречивость – мироощущения сказочников, по крайней мере, тех, с которыми довелось встретиться па Лене, где ещё сосуществуют, казалось бы, взаимоисключающие моменты: ощущение современного

прогресса и вера в колдовство. Объяснение этому, по-видимому, следует искать в той инерции и противоречивости народного мышления, которые не раз отмечались классиками марксизма, а также исследователями фольклора.

Конечно, это обращение к логике в современной сказке не предполагает непрременной достоверности всех деталей сказочного повествования и, стало быть, не снимает общей установки на вымысел, но все чаще требует его «логического» обоснования.

Недаром слушатели Раисы Егоровны, вполне принимая традиционную возможность сказочного колдовства, в то же время хотят видеть «логичность» его проявления. В самом деле, если обученный волшебному умению Митька мог превратиться в коня, то почему бы в нужный момент ему снова не «сделаться» Митькой? Эту внутреннюю логическую посылку хорошо чувствует и сама сказочница. Она, как, впрочем, и её аудитория, не подвергает сомнению существование «стерлинового моста через море в семь вёрст» – это общепринятая художественная деталь волшебной сказки, – но наличие белой рыбы под ним не просто констатирует, а объясняет: потому, что мазута в реке не было. Именно поэтому же, употребив обычную для волшебной сказки формулу «долго ли, коротко ли», Шеметова тут же, усмехнувшись, добавляет: «Не коротко, конечно, он шёл, а долго».

Так же строго мотивирует и А. А. Дерягин волшебные действия своих героев. Например, отправляясь на поиски жар-птицы, старшие зятя Ивана-царевича берут с собой медикаменты, – «может, получится како-нибудь кровотечение». И когда Иван-царевич отказывается продать им за деньги чудо-перо, объясняя при этом: «Поскольку я являюсь государев зять, не нуждаюсь деньгам!» – они спокойно отдают ему по пальцу от руки и от ноги, рассудительно думая при этом: «Ничуть мы не пострадаем, медикаменты с собой – кровотечения не допустим».

Следует заметить при этом, что слушатели внимательно и придирчиво следят за такими пояснениями и, когда они их чем-либо не устраивают, соответствующим образом реагируют. Особенно придирчива в этом отношении аудитория Шеметовой.

«Не бойся ничего, – шепчет через решётку тюрьмы Машенька своему хвастливому мужу – царю, приговорённому к смертной казни. – Ты к висельнице завтра как к куме на именины сходишь».

– А чем она знат? – раздаётся вопрос одного из слушателей.

– А она уж всё обхлопотала, – ни на минуту не замешкавшись, отвечает Раиса Егоровна, – и документы все оформила и форменную расписку взяла.

– Правда же говорят: сказка – дура. Царя – и на виселицу! – раздаётся скептическая реплика.

В том, что подобное направление в современном ленском сказкотворчестве – не случайность, убеждает повторное прослушивание тех же сказок и у тех же сказочников.

Так вторичные записи ряда текстов от Дерягина и Шеметовой, произведённые через год, демонстрируют заметное усиление этой логико-пояснительной линии.

Только в одну волшебную сказку («Анастасия – Золотая коса») Дерягин вновь вводит три разъяснительных момента. Если летом 1967 г. он лишь сообщал о традиционных сказочных шариках («куда покатится – туда и ты иди»), которые поочерёдно дают Ивану-царевичу старец и принцессы, то теперь, год спустя, сказочник обосновывает необходимость их сменяемости: «Шарик-то, он на дистанцию идёт, а там другой нужон». К рассказу о «золотых черевичках с разным набором», что делают чудесные помощники, появляющиеся из волшебной дудки, Дерягин теперь прибавляет: «Такие черевички только колдовством и можно сделать. Раньше ведь много колдунов было. Они и сейчас есть, только советской власти бояться». А говоря о впечатлении, произведённом на героев сказки построенным за одну ночь мостом «через море и семь вёрст», по краям которого и «деревья рассажены и развы птицы поют», сказочник замечает: «Это волшебство, по-чичасному – гипноз. Дело известное, только названия другая».

Иногда комментарии Дерягина становятся весьма пространными, приобретая характер своеобразных «философских» рассуждений. К волшебной сказке о царе, несправедливо

изгнавшем свою оклеветанную жену, и последовавших за тем злоключений в государстве, сказочник присоединяет в форме моралите полубытовой-полуанекдотический рассказ:

«Неразумения – они всюду бывают... Раньше в семьях хлеб стряпали бабы по очереди. И вот в одной семье невзлюбили младшую невестку. Как ей стряпать хлеб, так в квашню ей ночью подсыпают соли и подливают холодной воды. А тесто-то оно поднимается от тепла! Вот как-то раз пришёл к ним ночевать солдат. Лёг на печку. Не спится ему что-то. Вдруг смотрит: идёт к квашне одна невестка – раз! – туда горсть соли и ковш холодной воды. Через некоторое время другая – то же! Потом и старая ползёт.

Утром едят хлеб – все плюются. Мужик-то её и говорит: «Ну чо мне с тобой делать – убить тебя ли чо ли?» А солдат и спрашивает: «А у вас чо, обычая такая – ночью воду лить да соль кидать? Ночью-то всем табуном солили, и я тоже воду лил и солил...» Вот какая неразумения в семье, а тут поди-ка – государство!..»

Однажды я рассказала Шеметовой о А. А. Дерягине, который, по его словам, сказки слагает сам «в своей голове ночами». Раиса Егоровна помолчала, а потом раздумчиво произнесла: «Тоже он, видать, уроненный», – и поведала мне старинную бывальщину. Собственно, это тоже был ответ на одно из её «почему»: откуда возникает у человека удивительный дар сказительского мастерства. Но Шеметова, сказочница сама, выразила его в плане народно-поэтической образности: «Было это, когда коммуны организовывали. И был тогда здесь Лаврентий Михайлович Савинов-Большедворский. Он с мужиками на Ор приехал бочки делать. И вот Кузьма все смечает и смечает его: ночью все спят, а Лавруха все чо-то бормочет и бормочет.

Я как сейчас помню: поужинали, сели курить, а брат Кузьма и говорит:

– Пошто это вы, Лаврентий Михайлович, ночью бормочете? Разговариваете с кем али как?

– Ой, Кузьма Егорыч, я сам себя испортил. А дело было так: пришёл я с армии, и задались мы с одним товарищем мыслью: почему это дедушку Володю Забугорского из Большедворского все уважают, почитают. Вот бы, мол, и нас так. Пошли к нему и спросили, почему так? Он и говорит: «Я вас поучить могу, но тайно, и если у вас сердце крепкое. Я вас буду учить по книге «Магнай». Стали мы учиться. Может, и год прошёл. Потом дедушка Володя и говорит: «Но, ребята, содня-то будет страшно. Только вы сдержитесь. Это конец ученью».

Привёл нас в баню, говорит: «Вот сидите на полке, а в полночь к вам большая-большая собака выйдет, откроет вот такую пасть, и вы нисколько не теряйтесь, бегите и лезьте к ей в пасть. Если испугаетесь, тогда навек нелюди будете».

Настала ночь. Кичиги к обеду подошли (это таки три звезды из-за горы выходят). И ниоткуль вышла такая необнаковенная собака. Ужахнулся я... даже задницу с полка не мог отодрать. Язык во рте со страху околеу...

Вот и стал я с тех пор страдать. Как лягу спать, так нечистики тычат и тычат, спать не дают...» По совету дедушки Володи он даёт нечистикам три волшебные задачи. Две они выполняют и почти уже оставляют его, но для выполнения третьей он не может создать им соответствующих условий. «Поэтому, – заканчивает Шеметова, – совсем они от него не отстали. Вот он спать-то по ночам и не может, все шопчет да шопчет, разны складки складывает».

Трудно сказать, что в этом поэтическом рассказе отнести за счёт сказительного таланта Шеметовой, а что объяснить фантазией не менее замечательного сказочника – её брата Кузьмы и давно умершего большедворского посказителя Л. М. Савинова. Ясно только одно, что эта бывальщина-сказка, так красноречиво выразившая народный взгляд на талант сказителя, стала в сознании Шеметовой предметом художественного осмысления одного из явлений жизни.

Стремление всё объяснить, добраться до причин, казалось бы, непостижимо фантастических явлений мира волшебной сказки – само по себе есть величайший парадокс. Но он не случаен и вызван теми общественными сдвигами, которыми так богата была жизнь первой половины нашего столетия. Они будили мысль и заставляли дерзать. И эту

дерзость люди перенесли в сказку. И здесь она, так сказать, «пришлась ко двору», ибо в сказке возможно все. И если раньше голубая лента могла растекаться широкой рекой, а Иванушка-дурачок побеждать всемогущее чудовище, то теперь и царь мог писать заявление в Верховный Совет, сказочный принц подниматься на двенадцатый этаж блоком, а змеи «осознавать» своё дурное поведение. Конечно, переосмысление фантастики чудесного у каждого сказочника получает своё индивидуальное выражение, определяющееся его социальной средой, местной традицией, талантом и личными вкусами. В этом читатель сможет убедиться, читая «Сказки ленских берегов».

В предлагаемом сборнике не нужно искать совершенно новых сюжетов. Их нет, ибо в основном все они созданы нашими далёкими предками очень давно. По крайней мере в течение трёхсот последних лет их почти не появлялось.

Но сказка бытует в вариантах. И все эти годы она продолжала жить полнокровной жизнью, неизменно возрождаясь в устах каждого нового рассказчика оригинальным и свежим вариантом старого сюжета. Так по весне оживает дерево, давно знакомое и всегда неповторимое в своём обновлении и цвете.

Настоящий сборник – результат четырёхлетней собирательской работы (1966– 1969 гг.) в районах верхней и средней Лены.

Цель книги – показать состояние ленской сказочной традиции сегодня. Поэтому тексты, включённые в неё, в художественном отношении неравнозначны, так как в основе их отбора лежал принцип не только эстетический, но и историко-фольклористический.

«Сказки ленских берегов» публикуются в их подлинном виде, сохраняя то своеобразие, которое приобрело это искусство древности в наши дни. Для облегчения их восприятия читателем проведено незначительное текстологическое редактирование. Оно проявилось в следующем.

В фонетическом отношении записанные тексты выправлены почти полностью. Исключения сделаны лишь тогда, когда необходимо сохранить местный колорит и характерные особенности говора сказочников.

Везде сохраняется сибирское «чоканье». Типичная в прошлом ленская шепелявость (шипящие вместо свистящих: «Анишья», «жагадки» и т. д.) сейчас почти утрачена. Поэтому в тех редких случаях, когда она ещё имеет место, написание слов выправляется согласно современной орфографии.

На тех же основаниях заменено литературной нормой неслоговое «у» в глагольных окончаниях (быу – был), двойное «шш» вместо «щ» или «жч» (волосишши – волосищи, мушшына – мужчина); формы «гля её» – для неё, «хто» – кто, «етот» – этот и т. д.

Особая форма родительного падежа множественного числа существительного («старикох», «лоиманох») встречается у всех представленных в книге ленских сказочников. Но несмотря на типичность её бытования, она заменяется современной орфографией, ибо своей непривычностью затруднила бы чтение текстов. Потому же характерное «в нефкотором» царстве заменено «в некотором».

В записанных сказках читатель не встретит единства в окончаниях глаголов и прилагательных («кушат» – «кушает», «красива» – «красивая»), а также некоторых частиц и наречий («сколь» – «сколько», «куда» – «куда» и т. д.). Вежливая форма местоимений и глаголов перемежается с интимным обращением на «ты». Эти колебания произвольны. Они отражают живую речь Приленья и в большей или меньшей мере присущи всем ленским сказочникам. Притом подобный разнобой существует и в рамках одной сказки. По наблюдениям собирателя, повествовательная, «спокойная», часть сказки обычно говорится языком, более соответствующим общепринятой литературной норме. Когда же рассказ становится экспрессивным и особенно **диалогическим** возрастающая эмоциональность будит силу привычки, и речь сказочника возвращается к архаическим формам. Эта языковая особенность ленских сказок в книге сохраняется, как одна из характерных, так как унификация в данном случае уничтожила бы истинную картину современного приленского сказкотворчества.

Что же касается ударений, то они помечены лишь в словах, произношение которых ленскими сказочниками специфично («ужахнуться» – ужаснуться).

Таковы основные замечания по поводу текстологической правки.

Сборник строится по исполнителям. В книге представлены пять сказочников, о каждом из которых имеется краткий очерк.

Публикуемые сказки комментируются в конце сборника. Там же читатель найдёт перечень записанных, но не включённых в сборник произведений из репертуара представленных здесь сказочников.

¹ Л. К. Толстой. Правда. Собр. соч. в 4 томах, т. 1. М., 1963, стр. 247.

² А. Амфитеатров. Сибирские этюды. 1904, стр. 168.

³ П. Г. Прыжов Записки о Сибири. Очерки. Статьи. Письма. Academia. 1934, стр. 323.

⁴ В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1961, стр. 28.

⁵ Э. В. Померанцева. Русская народная сказка. М., 1963, стр. 6.

⁶ М.

⁷ М. К. Азадовский. Сказки Верхнеяенского края. Иркутск, 1925, стр. XI.